

Н.Г. Суворова

Личные дела имперских и советских колонизационных экспертов
(конец XIX - первая треть XX века): информационные возможности

Работа проведена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 17-01-00446

Аннотация: В тезисах охарактеризованы видовой состав, информационные возможности личных дел колонизационных экспертов. Колонизационные эксперты участвовали в разработке и реализации проектов по заселению и освоению Сибири конца XIX – первой трети XX в. После революции и Гражданской войны многие представители данной группы продолжили свою деятельность в советском переселенческом ведомстве или высшей школе. В работе представлены возможности сопоставления материалов личных дел (формулярных списков, анкет, автобиографий) имперских и советских экспертов.

Ключевые слова: личные дела, автобиография, информационные возможности, колонизационные эксперты.

Personal affairs of the Imperial and Soviet Colonial Experts

(late XIX - first third of the XX century): information opportunities

Abstract: In the theses, the species composition, information possibilities of the personal affairs of colonization experts are characterized. Colonization experts participated in the development and implementation of projects for the settlement and development of Siberia in the late XIX - first third of the XX century. After the revolution and the Civil War, many representatives of this group continued their activities in the Soviet immigration department or higher school. The paper presents the possibilities of comparing the materials of personal files (form lists, questionnaires, autobiographies) of imperial and Soviet experts.

Key words: personal affairs, autobiography, information opportunities, colonization experts.

Исследование переселенческого дела с точки зрения учреждений, функций, социально-экономических и политических последствий, достаточно редко сопровождается персональной информацией о людях, которые создавали колонизационные проекты и занимались их реализацией на практике. Слабо изученным также можно считать и групповые характеристики колонизационных экспертов. Даже когда предметом исследования становились аграрная интеллигенция или административные институты переселенческого ведомства информация о карьерных биографиях чиновников, имущественном, сословном, национальном и конфессиональном состоянии практически не привлекалась.

В качестве редких исключений в общем ряду деперсонализированных исследований можно отметить небольшие по объему юбилейные очерки, заметки-воспоминания о руководителях ведомства, составленные коллегами (Вощинин В.П. Колонизационное дело при А.В. Кривошеине. Пг., 1915; Тхоржевский И.И. Памяти Г.В. Глинки // Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб., 2000 и др.). Пристальный интерес к служебной деятельности переселенческого чиновника в сочетании с личностными, профессиональными качествами дает мемуарная литература позднеимперских экспертов (Татищев А.А. Земли и люди: В гуще переселенческого движения (1906-1921). М., 2001; Романов В.Ф. Старорежимный чиновник (из личных воспоминаний от школы до эмиграции. 1874-1920 гг.). СПб., 2012). Сохраняя определенную кадровую и учрежденческую преемственность, советские колонизационные эксперты до конца 20-х гг. отмечали вклад в переселенческое дело коллег уже после завершения карьеры, в некрологах.

В современной литературе в исследованиях о чиновниках разного уровня и регионов активно используются как массовые делопроизводственные источники (прежде всего, формулярные списки: см. например, Морякова О.В. Провинциальное чиновничество в России второй четверти XIX века: социальный портрет, быт и нравы // Вестник МГУ. №6. 1993. Сер. 8. История С. 11-23; Матханова Н.П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в.: Проблемы социальной стратификации. Новосибирск, 2002), так и источники личного происхождения. Чиновникам переселенческого ведомства позднеимперского и раннесоветского периодов повезло меньше. Можно отметить лишь исследования Т.Г. Васильевой (Интеллигенция Забайкалья и переселенческое дело (вторая половина XIX – начало XX в. Чита, 2009; Вклад забайкальской интеллигенции в переселенческую политику: Вторая половина XIX - начало XX в.: Автореф. дис. к.и.н. Чита, 2006), новизна которых объяснена стремлением к персонификации исторического процесса. Интересно, что выделяя группу колонизационных экспертов (в большинстве чиновников: заведующий переселенческим делом в Забайкалье Д.М. Головачев, чиновники и служащие Забайкальского переселенческого района В.В. Солдатов, В.Н. Соколов, Н.Ф. Крюков, Н.С. Иконников, В.Е. Рудницкий), автор обозначает данную группу как интеллигенцию.

Биографические очерки отдельных представителей колонизационных структур мало влияют на общую ситуацию, поскольку реконструируют, как правило, незначительный по продолжительности этап деятельности (например, служба в научном или учебном заведении, экспедиционные работы).

Уже в годы Первой мировой войны, сменив контингент (переселенцев на беженцев), сократив исследовательскую составляющую, Переселенческое управление сохраняет кадры и структуру. По мере, возвращения к мирной деятельности и провозглашения

«восстановления народного хозяйства», новые правительства возвращаются к прежним колониционным идеям, причем их реализация остается в руках прежних («старых») специалистов. В условиях Гражданской войны начинается строительство новой научной школы, цель которой – подготовка специалистов широкого профиля по колонизации. Кадры этих научных учреждений также сохраняют преемственность с прежними «старорежимными колонизаторами».

Учитывая эту преемственность для характеристики группы колониционных экспертов, мы привлекаем личные дела и материалы по личному составу из фондов Переселенческого управления (РГИА. Ф. 391. Оп.7. (1896 - 1917)), Западно-Сибирского краевого управления исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ГАНУ. Ф. Р-209. Оп. 2. (1925 – 1931)); Омского сельскохозяйственного института (ГАИОО. Ф. 492. Оп.1); коллекцию личных дел преподавателей и студентов Омского сельскохозяйственного института (фонд музея Омского аграрного университета). Эти документы дают представительный, хотя и не полный срез центральных и местных переселенческих учреждений конца XIX – первой трети XX в.

В фондах Переселенческого управления представлены личные дела чиновников центрального и местного переселенческого аппарата. Дела имеют устойчивый состав и формуляры, они включают в себя следующие виды документов:

- прошение о принятии на службу, иногда с указанием мотивов («имея ревностное желание продолжить службу Его императорского величества по переселенческому ведомству»; «желая переменить вольнонаемную службу на государственную»);

- формулярный список (вероисповедание, знаки отличия, жалование (столовые, разъезд, канцелярия; семейное положение; состоял ли под судом и следствием; подвергался ли наказанию);

- прошения о надбавках к жалованию;

- метрическое свидетельство (выписи).

Заявления чиновников подтверждались подлинными удостоверяющими документами (аттестатами о получении образования, свидетельствами департамента герольдии о сословном статусе, о явке к исполнению воинской повинности, актами об испытании в профессии, удостоверения о политической благонадежности и пр.). Командировочные задания, отчетные материалы, служебные дневники, корреспонденция (телеграммы, письма) выборочно документируют перемещения переселенческих чиновников всех статусов, особенно чиновников особых поручений.

Комплекс материалов официального делопроизводства позволяет дополнить карьерную траекторию чиновника сведениями о материальном, бытовом положении, образо-

вании, состоянии здоровья самого чиновника и членов его семьи. Конфликтные ситуации внутриведомственного и межведомственного характера зафиксированные в рапортах, объяснительных записках, жалобах обозначают личные и групповые ценности, задают образ идеального «переселенного», ученого-колонизатора; противопоставляют «народного чиновника» классическому бюрократу. В делах присутствуют и уникальные документы, чаще всего это письма-жалобы (от родственников, жен, вдов) с развернутыми картинами быта чиновника конца XIX – начала XX в. Отчетные и проектные материалы (часто неопубликованные ранее), черновые и окончательные варианты статей в периодические издания расширяют информацию об интеллектуальном пространстве имперских колонизаторов, дают возможность анализировать необремененный цензурными соображениями «язык колонизации».

В официальных документах дореволюционного периода не фиксировалась национальность служащего, его родителей, супруги, детей. Частично разрешить этот вопрос позволяют метрические сведения, фиксирующие вероисповедание, место рождения, фамилии и имена, вероисповедание посаженных родителей.

Проследить продолжение и завершение колонизационной карьеры позднеимперских экспертов позволяют личные дела сотрудников советских переселенческих учреждений. Поколения 1880-х, 1890-х гг. рождения, имеющие опыт практической деятельности на непродолжительное время (до конца 1920-х – начала 1930-х гг.) составили базу переселенческого аппарата. Эта ситуация порождает множество вопросов: в каких условиях строилась карьера «бывших специалистов», особенно учитывая их левые и оппозиционные (иногда радикально оппозиционные взгляды) в позднеимперский период; сохраняются ли прежние моральные и идейные претензии теперь к советскому колонизатору; сохранились ли прежние материально-бытовые условия переселенческой службы.

Личные дела советских аграрных работников на переходном этапе имели достаточно подвижный состав и неустойчивые формуляры официальной документации (в частности, содержание вопросов анкет, личных листков, пунктов автобиографий). Формализация делопроизводственной документации постепенно сокращает пространство самостоятельных, авторских текстов, привносит клишированные фразы.

Однако наличие в личных делах автобиографий, личных листков, CV позволяет не только реконструировать групповые характеристики, но и получить динамичный образ колонизационного эксперта в условиях кардинальных социально-политических изменений, зафиксировать меняющиеся и формирующиеся идентичности и мотивации.

В 20-е гг. XX в., например, у советских работников сохраняется особое отношение к переселенческой службе, как «живой работе». В заявлении В.С. Генделя о назначении на

должность заведующего переселенческой партией отмечалось, что руководство переселенческой партией предпочтительней «узко канцелярской работе по водворению» и не диктуется материальными соображениями. Претендентов на переселенческие должности интересует работа, где можно максимально проявить «инициативу и энергию». Идеальные качества советского переселенческого служащего вполне соответствовали и характеристикам «старорежимных колонизаторов», включая антибюрократические и неканцелярские черты (даже факт «близости к аппарату (кандидата) производит разлагающее действие» на сотрудников).

Требования, предъявляемые к переселенческому персоналу разного уровня (знакомство с местными условиями сельского хозяйства, Земельным кодексом, ... со всеми основными законами СССР и ... до некоторой степени подготовленность к общественной работе); честность, работоспособность, энергичность, достаточный образовательный ценз и довольно широкий кругозор) постепенно формализуются, подменяются клишированными фразами, пригодными для характеристики «советского работника» вне зависимости от сферы деятельности. «Худшие стороны» специалиста советского аппарата землеустройства: чрезвычайная грубость, чиновничье отношение к крестьянам (ГАНУ. Ф. Р-209. Оп. 2. Д. 12), «голое ни чем не прикрытое стремление «сорвать» где только можно, индифферентное отношение к делу... доходившее до преступной халатной волокиты»; «излишнее самомнение, неуживчивость, недостаточная товарищеская спайка с сослуживцами - представляют полный и весьма разнообразный набор антибюрократических элементов.

Особый интерес представляют сведения о национальности кандидатов. Советские анкеты на разных этапах предлагали многоуровневую национальную идентификацию кандидата: национальность, подданство, языковая принадлежность, национальная принадлежность родителей и жены. В автобиографиях авторы в некоторых случаях отмечали свое отношение к своему сословному, классовому происхождению и национальной принадлежности. Интерес власти к этим вопросам порождает вполне очевидные опасения и желание оправдаться. В своей советской автобиографии Н.А. Сборовский, ломая представления о сословном прошлом и классовом настоящем, отмечал, что происходит из семьи потомственных русских интеллигентов. Выстраиваемая государством иерархия наций корректировала, если не собственную национальность, то отношение к ней. Претендовать на место в советском аппарате выходцу из бедной еврейской семьи «последовательного бесребреника», желательно, с родителями бывшими ссыльными революционерами, было проще, чем поляку дворянского происхождения. Свои политические убеждения (а именно «симпатии к тем политическим группам и течениям, которые ставят своей целью благосостояние крестьянской трудовой массы, ее хозяйственное возрождение, культурное разви-

тие и просвещение») Сигизмунд Гружевский в автобиографии объясняет разочарованием мелкобуржуазным окружением на родине, узкими взглядами и интересами родственников и сослуживцев (ГАНУ. Ф. Р-209. Оп. 2. Д. 129). Неоднократно упоминая «родину» в автобиографии, Гружевский себя поляком не называет, заканчивая польскую родословную на своем отце, «который считал себя поляком и происходил из дворянской семьи». Женитьба на «крестьянской девице» окончательно закрепляет новое социальное и, по всей видимости, национальное состояние автора – свyksя и сроднился с сельским населением, а связь с родиной потерял.